

... Лжецу надо иметь хорошую память ...

– Собственно, а причин у этого было много, – здравствуйте, дорогие потомки. Надеюсь, к текущему моменту вы уже успели убедиться в том, что я клинический идиот, потому что если не поняли, то вам будет сложно осознать тот факт, что своими действиями в Фессалии я сделал неизбежными те события, которые произойдут далее.

Итак, как и ранее было уже сказано – причин у них было много. Если быть точнее, то причин того, что греческие полисы обернулись против меня и объединились с Антигоном, как не трудно догадаться, было много.

Во-первых, своими действиями в Фессалии я ясно дал понять, хотя и не понимая этого, грекам, что я сюда пришёл не за простым грабежом. Напротив, мои действия в Фессалии убедили их, что традиции и сложившийся порядок мироустройства для меня – преграда, требующая сноса.

Одно дело, это заявить своими действиями о том, что ты сюда пришёл не просто за очередной пачкой рабов или данью, а другое – это убедить всех, что ты пришёл сюда устанавливать свои порядки.

Ещё хуже – заявить о том, что ты пришёл сюда устанавливать порядки, которые категорически не нравятся правящему классу той территории, на которой ты собираешься властвовать.

Как вы понимаете, я не словами, а делом показал всем греческие полисы, причём совершенно не скрывая этого, что это такое – моя власть. Причём, как не трудно догадаться, сделал худшую из худших ошибок, которую только мог допустить завоеватель – вы её видите в предыдущем абзаце и, надеюсь, вам хватает ума, чтобы осознать, насколько это ужасная идея.

Итак, удерживая в своём уме это знание, обратите своё внимание на то, что, вообще-то, у греческих полисов был альтернативный вариант – это Антигон III Досон и его наследник – Филипп V.

У них, разумеется, были свои положительные стороны. Были они и у меня. Причины, по которым я, а до этого и мой отец, были более предпочтительными вариантами для греков, весьма очевидны.

Мы оба в глазах греков поначалу предстали в качестве эдаких Антигонов, только более пассивных, более мягких и, что самое главное, менее способных влиять на Грецию и её внутренние дела, в силу географической отдалённости Египта, кандидатов.

Иными словами, по первой я был для них просто более удобным вариантом, равно как и мой отец, а потому греческие полисы и благоволили мне.

Разумеется, вечно это бы не продлилось, но в данный конкретный момент Антигон наступал на

Грецию и ей жизненно необходим был, скажем так, заступник.

Антигон для них был неприятным вариантом и остался он им даже тогда, когда я имел оглушительный военный успех во Фракии и Иллирии. «Что там эти варвары – они далеко!» – было оправдание у греков.

Тем более, что им было на Фракию и Иллирию плевать – до них тоже далеко, а вот мой военный успех доказал, что я не тварь дрожащая, а право имею.

Что же изменилось? Ну, как ранее уже и было сказано – я покусился уже на греческие полисы. «Сейчас он расправился с фессалийцами, а потом расправится с нами!» – мысль не сложная.

Покусившись на существующие в Греции хозяйственные устои, имевшие место прежде, чего не делал, к слову, даже сам Антигон, я вмиг стал на 100 пунктов хуже Антигона. Это – причина первая.

Во-вторых, и это, как вы могли догадаться, причина вторая – греки просто устали воевать с Антигоном. Застрав в Фессалии до самого марта уже 222 года до нашей эры, я обрёл греков на долгие месяцы (с сентября по март – 6 месяцев, то есть, полгода) постоянного разорения со стороны Антигона.

Более того, обрёл Этолийский союз всё это время нести в одиночку бремя сопротивления Антигону. Как вы понимаете, тем самым я ещё и, сам того не осознавая, испытывал греческие полисы на прочность и, соответственно, на их терпение.

Ну что же, их терпение лопнуло, когда рабы стали массово сбегать в Фессалию. Когда же пришли вести о том, что я замирил при помощи насилия восставшие элиты, их терпение не просто лопнуло, а взорвалось.

Вот, собственно, две главные причины того, почему клятые греки предали меня, перейдя на сторону Антигона. Хотя, конечно же, обе стороны к тому времени были весьма истощены войной, а потому подобный союз оказался не столь опасен, каким бы он был в тот момент, когда я только высаживался с отцом на территории Греции.

К их несчастью, я не бил баклуши, а активно усиливал своё присутствие – экономика Египта, не затронутого войной, в это время только усиливалась.

Тем более, что я оптимизировал ряд излишних или ненужных расходов, благодаря чему мне удалось улучшить своё финансовое положение и, соответственно, расширить доступные мне для войны средства.

На них я, как ни странно, усилил уже свою армию:

Во-первых, я набрал в Македонии и Египте ещё 9 000 фалангитов.

Во-вторых, по ранее заключённым договорам я получил ещё 500 пеонийцев, ещё 500 иллирийцев, ещё 1 000 дарданцев и 1 000 фракийцев.

Таким образом, я имел теперь 1 000 пеонийцев (в основном, в лице агриан), 2 000 иллирийцев, 2 000 дарданцев и 2 000 фракийцев.

В-третьих, по соглашению с одним египетским вельможей я получил пополнение своего личного отряда на 100 человек. Кроме того, я также набрал из числа наёмников ещё 130 человек в обе агемы.

К слову, что касается конной царской гвардии, то я наконец-то объединил оба отряда в один, а отцовских гвардейцев вооружил по тому же принципу, что и собственных.

Ну и, разумеется, всё это время они, как и надлежит регулярным солдатам, упражнялись в военном искусстве, так что их по праву можно было считать лучшими всадниками Греции.

Таким образом, царскую конную гвардию я довёл до количества в 1 500 человек. Максимум, которого я мог достичь при имеющихся ресурсах.

В-четвёртых, я набрал ещё 640 наёмных всадников. Так что теперь у меня было 3 000 наёмных всадников и 1 500 конных гвардейцев, так как отряд спартанцев пришлось распустить из-за повального дезертирства его членов.

Впрочем, чтобы не нести бессмысленные расходы всё это время, а также, чтобы уменьшить наёмный контингент в моей армии, мне пришлось распустить большую часть наёмников – 9 000 греческих наёмников, 1 000 неокритянских лучников и 2 000 критянских пращников.

Большинство командиров, я, к слову, сумел привлечь на пожизненную службу к себе – при помощи богатых даров, разумеется. Ну и, наконец, я серьёзным образом укрепил Фермопилы со своей стороны, восстановив разрушенные укрепления.

Итак, я, Птолемей IV. Всего – 29 000 пехотинцев и 4 500 всадников:

Пехота:

1. 18 000 фалангитов;

2. 2 000 гипаспистов;

3. 2 000 пельтастов;
4. 2 000 иллирийцев;
5. 2 000 пеонийцев;
6. 2 000 фракийцев;
7. 2 000 дарданцев.

Кавалерия:

1. 3 000 наёмных всадников;
2. 2 000 конных гвардейцев.

Меньше, чем было чуть ранее и чуть больше, чем было в начале, но не обманывайтесь – это войско, несмотря на кажущееся разнообразие, в действительности было гораздо более однородным, нежели немногим ранее, а главное – оно оказалось немного более дешёвым и казалось немного более лояльным.

Кроме того, так как все эти ребята упражнялись в военном деле всё имевшееся у них время, армия была прекрасно спаяна и дисциплинирована. Хотя, естественно, они были не так закалены в битвах, как ребята Антигона, жившие одной лишь войной с самого июля.

Итак, Антигон III Досон. Всего – 32 000 пехотинцев и 1 600 всадников:

Пехота:

1. 9 000 фалангитов Антигона;
2. 8 000 фалангитов греческих союзников (да, они набрали и обучили свою собственную македонскую фалангу);
3. 8 000 греческих наёмников;
4. 4 000 пельтастов;
5. 2 000 родосских пращников;

6. 1 000 неокритянских лучников;

Кавалерия:

1. 800 всадников греческих союзников;

2. 400 всадников греческих наёмников;

3. 400 всадников Антигона.

Разумеется, теперь, когда вы видите, как всё плохо было у Антигона с войском, вы, я очень на это надеюсь, понимаете, почему на фоне Антигона моя армия – просто образец единообразия.

К слову, не обманывайтесь искусственной конструкцией «греческие союзники» – в действительности речь шла о более чем нескольких десятках полисов (Афины, Коринф, Спарта, Орхомен и многие другие; впрочем, и у меня тоже есть подобные "конструкции", но они всё равно не содержат столь большое количество элементов), внёсших свою лепту, что создавало известную проблему с единоначалием, которую Антигону удалось решить только благодаря своему огромному военному авторитету.

Ну и, конечно же, необходимо уточнить, что самой главной заслугой греков было то, что они собрали внушительный флот, сумевший составить конкуренцию моему флоту (не разбить, а составить конкуренцию, то есть, лишить меня полного превосходства на море).

Сделав это, они, по сути, принудили меня к сражению. Вернее, они лишили меня возможности наносить постоянные уколы в тыл врага, вынудив или принять сражение, или ждать исхода морской войны, надеясь на её благоприятный исход (притом совершенно необязательно, что именно это и произойдёт).

Как не трудно догадаться, у греков также были свои, не менее значимые проблемы, из-за которых они также искали скорейшего сражения.

Во-первых, это финансовая проблема, она же самая главная, связанная с трудностью содержания подобной армии и подобного флота в условиях разорения большинства полисов.

Во-вторых, это политическая проблема, связанная уже с тем, что подобные громоздкие союзы, обусловленные конкретной целью, живут, обычно, довольно недолго и вскоре начинают испытывать проблемы с обеспечением политического согласия и базового единства внутри союза.

Таким образом, теперь сражение было неизбежным. В обычной ситуации я бы поступил бы так, как указал выше – наносил бы врагу быстрые уколы по всему морскому побережью при помощи рейдов, чтобы тот просто истёк кровью и проиграл, так и не добравшись до меня.

К сожалению, на этот раз я был лишён этой возможности, а потому мне пришлось принять сражение. Хотя, конечно же, повторяюсь снова, сражение – это то, чего вы обычно хотите избежать.

Так же, как обычно вы не хотите драться со своим врагом в смертельной битве на ножах, а хотите проткнуть его горло стрелой или копьём ещё задолго до того, как тот сможет навредить вам.

В любом случае, тут главное, что я, намеренно покинув Фермопилы, сумел увлечь врага на широкие равнины Фессалии, где я смог бы наиболее полно реализовать своё превосходство в кавалерии.

Наконец, обе наши армии столкнулись 8 июня 222 года до нашей эры (Антигон объединился с греками в конце марта, а следующие месяцы он и его союзники потратили на подготовку армии, так что дать мне бой на суше им удалось лишь в начале июня)...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2347271>